

С. Т. Еремян

НАРОДНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ ВОЙНА АРМЯН ПРОТИВ ПЕРСОВ В 450—451 гг.

(К 1500-летней годовщине)

В многовековой истории армянского народа немногие события оставили такой яркий и неизгладимый след, как народно-освободительная война армян против персов в 450—451 гг. С того времени прошло пятнадцать столетий, и все же народ продолжает свято хранить память «вардановых воинов», павших смертью героев во имя своей родины.

В сложных социальных и экономических, внутривосточных и внешнеполитических условиях протекала жизнь армянского народа в первой половине V столетия. К этому времени в Армении уже сложились раннефеодальные отношения, которые привели к натурализации хозяйства и экономическому раздроблению страны. Процесс экономического раздробления страны подготовил почву и для политического ее раздробления. Этот процесс вместе с ростом политического влияния нахараров, стремившихся захватить публично-правовую власть в пределах своих сеньорий, неизбежно ускорял процесс децентрализации, распад единого армянского раннефеодального государства на отдельные самодовлеющие территории — «полугосударства» нахараров, чем закончился период вызревания феодальных отношений и начался переход к новому периоду нахарарской системы хозяйствования и политической власти.

В создавшихся условиях сословные и классовые интересы нахараров толкали их на сближение с враждебными Армении державами. Предавая интересы своей родины и народа, большая часть нахараров фактически вышла из повиновения армянскому царю и признала себя вассалами либо персидского «царя царей», либо римского императора. После этого нетрудно было двум державам сговориться и разделить между собою Армянское государство, что совершилось в 387 г. Окраинные области Великой Армении отпали, осталась «Срединная страна» (*Миджнашхар*), $\frac{4}{5}$ которой подчинились Персии (эту часть «ромей» впредь именовали «Перс-Арменией»), а $\frac{1}{5}$ часть — Римской империи. В обеих частях страны продолжали царствовать представители Аршакидской династии, но в римской части Армении царская власть была упразднена уже в 391 г., а в «Перс-Армении» она существовала еще до 428 г. Когда пала династия Аршакидов, по меткому выражению Егише, «царство армянское перешло к нахарарам»¹.

¹ Е г и ш е, История Вардановых воинов и Армянской войны, гл. 1, Тифлис, 1913, древнеармянский текст (в дальнейшем: «Егише»), стр. 11.

Сасаниды и Римская империя (с 395 г. Восточно-Римская, или Византийская империя) установили в Армении свое политическое господство ценою признания наследственного землевладения армянских нахараров и церкви, т. е. за счет захвата нахарарами общинных земель шинаканов, окончательно попавших в феодальную кабалу. Нахарары добились признания их публично-правовой власти ценой принесения в жертву независимости страны и пренебрежения интересов народных масс¹.

С падением династии Аршакидов в 428 г. подчиненная Персии Армения превращалась в вассально-зависимую страну, с сохранением своего внутреннего самоуправления, на основе нахарарского права. Все имущество и богатство упраздненной царствующей династии на территории «Перс-Армении» были объявлены собственностью персидского «царя царей», а земли государственного домена, находившиеся вне коронной территории («остана») — Айрарата, были поделены между нахарарами. «Остан Армении» — область Айрарат — попрежнему оставалась центром страны, но она была передана в «кормление» наместнику «царя царей» — марзпану Армении. Находящиеся в пределах «остана» держатели мелких земельных владений, азаты-всадники и отпрыски упраздненной династии Аршакидов, составили особый слой мелкой знати, называемой впрямь «останик».

Марзпан Армении до середины V в. имел свое местопребывание в городе Арташате, а затем политический центр страны переносится в соседний Двин.

Армения, по сравнению с другими марзпанствами — провинциями персидского государства, в некоторых отношениях находилась в привилегированном положении. Основные должности по управлению страной марзпан передавал армянским нахарарам, причем он обязан был соблюдать выработанный веками принцип наследственного права замещения государственных должностей — гордзакалств. Впоследствии нарушение этого порядка вызвало сперва скрытое, затем явное недовольство нахараров. Наиболее важны были должности азарапета — начальника финансового ведомства, малхаза — начальника дворцового управления и спарапета — главнокомандующего армянского ополчения. Азарапет собирал налоги и сдавал их прибывшему в страну главному сборщику государственных податей персидского царя «васпураканскому хамаракару». Кроме того, он ведал строительством в останских землях и наблюдал за исправностью оросительных систем. Спарапет стоял во главе конных и пеших ополчений нахараров. Армянская конница попрежнему получала натуральную и денежную субсидию (*рочиъ*), но уже не от армянских царей, а из казны персидского «царя царей». Охрана страны целиком лежала на этой коннице. Персидские войска находились лишь в центре страны — остане Армении. Здесь стратегические пункты были заняты размещенными в них персидскими и армянскими гарнизонными войсками (*кайенакан зорк*); армянские гарнизонные войска состояли из азатской конницы, возглавляемой спарапетом Армении. Сильный персидский гарнизон охранял двор марзпана Армении в Арташате. Но пограничная с Византией линия не была укреплена, и ее охрана была возложена на армянских нахараров.

Гордзакалство великого судьи оставалось привилегией главы армянской церкви — католикоса, который стоял во главе совещательного и законодательного органа армянской знати — собора (*жогов*), получившего после падения царской власти исключительное значение.

¹ С. Т. Еремян, Раннефеодальная монархия армянских Аршакидов, «История СССР», т. I, М.—Л., 1939, стр. 100—107.

Для выявления действительного числа налогоплательщиков большую роль играло сотрудничество азарапета с католикосом, возглавлявшим многочисленных епархиальных начальников — епископов и сельских и городских священников, в руках которых находились книги рождений и смертей.

Персидский царь сам вмешивался в выборы католикоса Армении, назначая на этот пост угодного ему человека.

Феодално-зависимые армянские крестьяне — шинаканы находились в крайне тяжелом положении. Персидскому «царю царей» они должны были платить поземельный налог (*хас*). Кроме того, как они, так и городские ремесленники несли различные государственные трудовые повинности (*мардахарк*), причем теперь эти повинности значительно возросли: азарапет Армении был обязан по требованию начальника велемства трудовых повинностей Персии передавать в его распоряжение рабочую силу для строительства в самой Персии; крестьян и ремесленников отправляли в отдаленные части Персии.

С другой стороны, шинаканов эксплуатировали армянские феодалы — нахарары и церковь; им шинаканы были обязаны барщиной (*кор*), многочисленными феодалными повинностями (*пархакутюн*) и натуральными взносами (*птуг*).

С уничтожением земель царского домена и переходом этих территорий под власть нахараров жившее там трудовое население — крестьяне-общинники (свободные шинаканы) — из положения «царских земледельцев» (*мишак аркуни*) также попали в состояние феодално-зависимых крестьян (зависимых шинаканов), приближавшихся по своему положению к колоннам Восточно-Римской империи. Прежние свободные сельские общины оставались еще только в домене марзпана — Айрарате, но подавляющее большинство трудового населения Армении уже состояло из феодално-зависимых крестьян.

Подчиненная персидскому государству нахарарская Армения представляла собою совокупность феодалных «полугосударств» — крупных и мелких владений нахараров, во главе каждого из которых стоял сеньор — *тэр*, *танутэр* или *нахарар*, *нахалет*, наследственный глава сеньории — *тэрутюн*. Тэр считался вассалом персидского «царя царей». Нахарар в пределах своей территории был полновластным хозяином. Он управлял своей территорией и судил подчиненное ему население, имел своих гордзакалов — чиновников из подвассальной служилой знати — азатов, которые собирали подати и следили за выполнением повинностей трудовым населением в пользу нахарара. Каждый нахарар имел свое войско, фамильный герб и знамя.

С дальнейшим углублением экономической разобщенности происходило дробление каждого нахарарского владения на более мелкие политические единицы. Внутри нахарарской фамилии происходил процесс выделения отдельных семейств — сепухов (младших представителей нахарарских фамилий), которые получали свою долю из общего фамильного состояния в качестве «сепуховской доли» и образовывали вассальное основной ветви «сепуховское владение» (*сепухаканутюн*). Каждая нахарарская территория превращалась в совокупность более мелких, вассальных *тэру*, владений сепухов и азатов (всадников, держателей военных ленов).

Каждое нижестоящее лицо было вассалом вышестоящего; вассал был обязан выступать со своим ополчением в порядке вассальной службы (*и спасу царрайутюн*). Господин его, со своей стороны, обязывался сохранять в незыблемости наследственные права своего вассала и защищать его от нападения других феодалов. Это взаимное соглашение сопро-

вождалось церемонией клятвы (*ухт*) вассала (*царрай*) в верности своему господину (*тар*)¹. Социально-экономический строй нахарарской Армении, как уже указывалось, способствовал политическому раздроблению страны, но внешнеполитическая ситуация (Армения лежала между Персией и Византией — двумя претендентами на ее территорию) и необходимость удерживать в повиновении эксплуатируемых крестьян принуждали нахараров к сплочению.

Единство политических интересов нахараров находило свое выражение в институте совещательного и законодательного собора (*жогов*) нахараров и духовенства, который созывался по мере надобности, а также в единой системе военной организации.

Армения была важным звеном в политике Персии и Византии. В этот период особенно участились нападения «варваров» на Византийскую империю — со стороны Дуная, и на Персидское государство, со стороны Средней Азии. Сравнительно меньше было вторжений кочевников со стороны кавказских проходов, но все же вопрос охраны кавказских проходов беспокоил обе державы и вплоть до середины VII в. не раз служил поводом для новых конфликтов между ними.

Укрепление кавказских проходов требовало огромных расходов, и Сасаниды стремились возложить их на Византию. Они изображали свою борьбу с кочевыми племенами Средней Азии и Северного Кавказа как борьбу не только за свои государственные интересы, но и за интересы Византии. Поэтому, с точки зрения Сасанидов, константинопольский двор обязан был возместить ущерб, причиняемый им кочевниками. В конечном счете, Сасанидам удавалось получить «золото» для охраны Аланских ворот (Дариалан, соврем. Дарьяльское ущелье), так как если бы персы перестали оберегать ворота, от этого пострадали бы не только персы, но и византийцы².

С другой стороны, Сасанидам удалось привлечь к делу охраны кавказских проходов и местную феодальную знать. Возвышение роли владельцев Сюника тесно связано с вопросом охраны кавказских проходов от нашествий кочевников севера. Уже при Ездегерде II (438—457) службу охраны пограничных укреплений в кавказских проходах Сасаниды возложили на ишхана (владельца, князя) Васака Сюни. По сообщению историка Лазаря Парбского, Ездегерд II назначил Васака Сюни марзпаном Иберии (Картли) (около 439—443 г.)³ и возложил на него охрану Аланских ворот. Здесь Васака Сюни завязал дружеские отношения с вождями пограничных гуннских племен⁴. Установление добрососедских отношений с кочевниками Северного Кавказа имело для Сасанидов величайшее значение. Помимо того, что этим предотвращались набеги кочевников, в случае необходимости эти кочевники могли предоставить Сасанидам неисчерпаемые военные контингенты, и это в тот период, когда гунны вторгались в пределы Восточно-Римской империи и ромейские императоры вели с ними безуспешную борьбу⁵. Перспективы широкой политической

¹ См. Аюп М а н а н д я н, Феодализм в древней Армении (период Аршакидов и марзпанов), Ереван, 1934, стр. 191—195; Н. А д о н ц, Армения в эпоху Юстиниана, СПб., 1908, стр. 453—479.

² Н. П и г у л е в с к а я, Месопотамия на рубеже V—VI вв., М.—Л., 1940, стр. 82 и 131.

³ Ив. Д ж а в а х и ш в и л и, История грузинского народа (на груз. яз.), книга первая, Тбилиси, 1928, стр. 259, где последним годом марзпанства Васака Сюни в Иберии указан 447 г.

⁴ Л а з а р ь П а р б с к и й, История Армении, Тбилиси, 1904, древнеармянский текст, часть II, глава 45 (в дальнейшем Лаз. Парб.).

⁵ С. Т. Е р е м я н, Сюния и оборона Сасанидами кавказских проходов, «Изв. Арм. ФАН», 1941, № 7 (12), стр. 38—39.

деятельности в масштабе всего персидского государства притупляли в правящей фамилии Сюника чувство солидарности с остальной знатью нахарарской Армении. Это обстоятельство прекрасно учитывалось при дворе Сасанидов, которые не замедлили использовать авторитет Васака Сюни для проведения новой политики в нахарарской Армении.

Условия, создавшиеся для Армении после ее раздела, стимулировали дальнейшее усиление могущественных нахараров, которые еще более усилили между собою борьбу за землю, за крестьян, за ренту. Эта внутрифеодалная борьба между отдельными группами нахараров осложнялась и разжигалась прямым участием персидского двора и нередким вмешательством византийского императора. Исход этой борьбы зависел, в конечном счете, от той внешнеполитической ситуации, которая складывалась в каждый данный момент.

В 432 г. создалась такая политическая ситуация, что персидский двор в Ктесифоне был вынужден пойти на уступки и восстановить в наследственных правах последнего представителя династии Григория Просветителя — католикоса Саака I. Последний сумел использовать благоприятный момент и, представившись «царю царей» Враму V Крману (Варахран V — 418—438 гг.), добился утверждения «Разрядной грамоты» (*Гахнамак*) — списка армянских нахараров в их иерархической последовательности, который существовал еще при последнем аршакидском царе Армении Арташесе (Арташире — 422—428 гг.)¹. Тем самым восстанавливались в своих наследственных правах ранее опальные нахарарские дома, которые были известны своими провизантийскими настроениями. В 432 г. спартапетом — Ваан Амагуни. Был восстановлен в своих наследственных правах также Аршавир Камсаракан².

Уступки, сделанные персидским двором в неблагоприятный для персов политический момент, ослабили позиции персидского государства в Армении. Воцарившийся Ездегерд II поспешил внести раскол в среду армянских нахараров, создав проперсидскую группировку нахараров во главе с Васаком Сюни. Марзпан Вехмихршапух (марзпан 428—443 гг.) был отозван из Армении, и взамен его на эту должность был назначен ишхан Васак Сюни. Внешне как будто среди нахараров царило согласие и мир, на самом же деле рознь и скрытая вражда между ними все более углублялись и вскоре должны были вылиться в ожесточенную борьбу.

Таким образом, в 40-х годах V столетия нахарарская Армения представляла собою полузависимую страну и управлялась армянской знатью. Зависимость выражалась в том, что государственные налоги шли в казну персидского «царя царей». Марзпаном Армении являлся представитель армянских нахараров Васак Сюни (443—451 гг.). В 439 г. после смерти католикоса Саака I должность «великого судьи» исполнял епископ Иосиф из Вайод-дзора. В это время в Армении фактически не было никаких представителей власти Сасанидов; даже сасанидские гарнизоны в укреплениях Айрарата зависели от Васака Сюни.

Почти такими же правами пользовались нахарары Византийской Армении, которые в официальных актах назывались сатрапами. Каждая сатрапия представляла собой особое нахарарство, самостоятельное во внутренней жизни; его обязанность перед ромейским императором заключалась лишь в охране византийской границы от персидского государства³.

¹ Н. Адонц, ук. соч., стр. 248—272.

² Моисей Хоренский, История Армении, III, 51, древнеармянский текст, Тбилиси, 1913, стр. 322—323, русск. пер. см. «История Армении Моисея Хоренского», пер. Н. Эмина, М., 1893, стр. 188—189 (далее цит. как Моис. Хорен.).

³ Н. Адонц, ук. соч., стр. 28—45.

Византия в этот период обращает серьезное внимание на укрепление своей восточной границы с персами, к чему широко привлекалась армянская феодальная знать. В военном отношении армянские земли, подвластные Византии, во всяком случае до половины V столетия подчинялись дуку Армении, который сидел в городе Мелитене, центре провинции Вторая Армения. Дуку Армении подчинялся магистру Востока, который пребывал в Антиохии. В середине V в. дуком Армении был Васак Мамиконян, а магистром Востока — Анатолий (в 438—443 гг.)¹.

Однако такое положение противоречило интересам Сасанидов. Армения была важна для персов как плацдарм для господства над Сирией и Малой Азией и для борьбы с Византией. Пользуясь тем, что Византия была поглощена войнами с Атиллой и церковными распрями, Сасаниды возобновили политику уничтожения внутренней самостоятельности Армении. Армянская церковь, бывшая выразителем политических интересов Византии, мешала религиозно-культурной ассимиляции армян с персами. Поэтому Ездегерд II на втором году своего правления (439) порывает с политикой широкой веротерпимости, которой Сасаниды придерживались после раздела Армении в 387 г. (Егише, стр. 12).

Далее в связи с ожесточенной борьбой против гуннов Средней Азии² Ездегерд II мобилизовал военные силы всех подчиненных стран и перебросил их на северо-восточные рубежи своего государства. Это было хорошим поводом, чтобы вывести из нахарарской Армении армянскую конницу и лишить ее возможности оказать сопротивление новым мероприятиям Сасанидов в стране. В 387 г., когда большая часть Армении подчинилась Персии, было обусловлено, что армянская конница должна всегда оставаться на родине, но теперь армянские военные ополчения были посланы в Среднюю Азию. При этом они должны были содержаться за счет самих нахараров (Егише, стр. 16).

Военное положение сделалось постоянным явлением. Ездегерд II на далекой северной окраине своего государства в Марви-роте (Мервский оазис) основал свою военную ставку, где и проживал постоянно в течение семи лет (442—449 гг.). Армянские войска находились при нем и после окончания военных действий, их намеренно задерживали, не отпуская на родину. Эта мера распространялась не только на Армению, но и на Иберию (Картлию) и Албанию (Егише, стр. 27). Таким образом, эти страны были лишены своих военных сил и оставались беззащитными.

Затем Ездегерд II проводит всеобщую перепись населения и учет всех объектов обложения, следствием чего было значительное увеличение налогов (Егише, стр. 31): тяжелые подати были наложены не только на шинканов, рамиков (городское «простонародье») и прочее городское население, но и на духовенство, которое ранее было приравнено к сословию азатов и платило лишь поземельную подать (*хас*). Более того, были учтены все годные для обработки земельные угодья, и независимо от того, пустовал или обрабатывался данный земельный участок, с него взывкисывалась поземельная подать. Даже деревни, которые были покинуты населением из-за чрезмерных земледельческих работ в пользу землевладельца, были зачислены за последними, как доходные статьи. Об этом свидетельствуют гневные строки современника, историка Егише, который пишет: «Там, где следовало взимать сто дахеканов, взимали вдвойне; обложены податью также епископы... священники и земли — не только застроенные, но и

¹ К о р ю н, Жизнь Маштоца, Ереван, древнеармянский текст, стр. 64, 69. См. акад. М. А б е г я н, История древнеармянской литературы, т. I, Ереван, 1944 (на арм. яз.), стр. 292—297.

² К. В. Т р е в е р, А. Ю. Я к у б о в с к и й и М. Э. В о р о н е ц, История народов Узбекистана, т. I, Ташкент, 1950, стр. 126—127.

пустовавшие. Да и кто в состоянии рассказать о бремени поборов — мута и сака, бажа и хаса и налогов с пастбищ, пашен и лесов. Взимали не так, как подобает парям, а грабили, точно разбойники; сами даже удивлялись, откуда берется столько богатства, каким же образом продолжает благоденствовать страна Армянская» (Егише, стр. 32). Землевладелец отныне отвечал перед государством за поступление податей с его земель, независимо от того, обрабатывались они или пустовали. Эта мера привязывала земледельца к обрабатываемому им участку, лишала его и его наследников права перехода. Таким образом, новая налоговая политика персидского двора обостряла взаимоотношения между крестьянами и феодалами: последние теперь должны были вносить в государственную казну даже и свою долю прибавочного продукта. Сильное увеличение налогового обложения вызвало недовольство среди всех слоев населения, в первую очередь среди шинаканов и рамиков, затем среди духовенства и нахараров.

Это увеличение налогового обложения было вызвано, с одной стороны, растущими со дня на день расходами на содержание Сасанидами огромной армии в Средней Азии и постройкой там пограничных укреплений; с другой стороны, увеличение налогового бремени преследовало цель экономически обессилить страну и, в первую очередь, истощить шинаканов, «дабы они из-за крайней нищеты поневоле обратились в религию магов» (Егише, стр. 31), т. е. осуществить политику ассимиляции армян с персами.

Вслед за этим был лишен своей должности азарапет Армении Ваан Амадуни, а у замещавшего католикаса епископа Иосифа была отобрана должность великого судьи. Главе армянского духовенства оставались лишь узко церковные функции — рукоположение епископов и наставление своей паствы. На должность азарапета был назначен представитель персидской знати, а великим судьей — могпет (главный маг), один из представителей зороастрийской жреческой верхушки, Спарапет же Вардан Мамиконян находился в то время во главе армянских войск в Средней Азии при «царе царей». Таким образом, нахарары фактически были отстранены от политического руководства страной. Но оставалась еще наиболее трудная часть этой системы мероприятий, направленных на превращение Армении в рядовую персидскую провинцию: Сасанидам нужно было добиться религиозно-культурной ассимиляции армян, грузин и албанов с персами.

Религиозная ассимиляция не была для Сасанидов самоцелью, а лишь средством политического и культурного порабощения армян, грузин и албанов. Народы Закавказья и Армении прекрасно это сознавали и выступили со всей решительностью против этой попытки идеологического и культурного порабощения. Армянский народ в этот период хорошо сознавал, что в обеих частях Армении живет единый народ с единым армянским языком. Хотя последний и был представлен многочисленными диалектами, но все же на этой базе в это время (на рубеже IV—V вв.) возник единый армянский язык (*грабар*); на этом языке уже были созданы литературные памятники, показывавшие превосходство интеллектуальной культуры армян над персами с их отсталой и труднодоступной широким народным массам системой пехлевийского письма. Создается богатая историческая и философско-богословская литература и единый армянский стиль архитектуры. Вырабатывается самобытная музыкальная культура.

Религиозная общность армян, грузин и албанов с враждебной Персии Византийской империей (в этот период еще существовала единая вселенская церковь, главой которой считался сам ромейский император), разумеется, была для Сасанидов совершенно нежелательна. Поэтому Персия

немедленно использовала раскол вселенской церкви после Эфесского собора в 432 г. Сасаниды оказывают покровительство сиро-несторианской церкви и противопоставляют ее вселенской церкви. Армянское же духовенство рассматривалось как политическая агентура Византии.

Но попытка культурного порабощения Армении, предпринятая персами, встретила ожесточенное сопротивление армянского народа. Когда азарапет персидского государства Мирнерсе направил армянским нахарарам послание с требованием, чтобы они приняли религию своего сюзерена — персидского «царя царей» — зороастризм, — всколыхнулась вся страна. В случае отказа нахарары должны были отправиться к «царю царей» и предстать перед его судилищем¹. Нахарары и духовенство создали в Арташате собор (*жогов*), на котором присутствовали 17 нахараров и 17 епископов, не считая сепухов, азатов и младшего духовенства. На этом совещании было составлено ответное послание. Собравшиеся от имени всего народа решительно заявили, что ни при каких условиях армяне не отрекутся от своей религии². Такой же ответ был получен персами из Иберии и Албании. Ктесифон спешно затребовал ко двору «царя царей» главных представителей феодальных домов Армении, Иберии (Картли) и Албании. Из Армении отправились 10 наиболее влиятельных нахараров, среди которых были марзпан Васак Сюни, спарапет Вардан Мамиконян³, Ваан Амагуни, Аршавир Камсаракан и др.

Прибывшим в Ктесифон нахарарам угрожали, что если они не оставят христианство и не примут маздеизм, то будут лишены всех наследственных привилегий и посланы в далекие пустыни Ирана, а в Армению, Иберию и Албанию будет отправлена карательная экспедиция, которая разорит эти страны, а жен и детей нахараров угонит в Хузистан, в неволю⁴. Чтобы избежать такой участи, прибывшие феодалы, после тайного совещания, изъявили свое согласие принять религию магов. Обрадованный Ездегерд II, после церемонии поклонения священному огню, отправил их на родину с большими почестями и подарками вместе с многочисленными магами, но в то же время взял в заложники от армянской знати двух сыновей марзпана Васака Сюни и от грузинской знати бдешха Аршуша (Лаз. Парб., II, 18, стр. 55).

Пока нахарары находились в Ктесифоне, в Армении уже началось стихийное всенародное движение против персов и нахараров, о которых распространилась молва, что они отреклись от своей веры, перешли на сторону персов и теперь возвращаются в страну в сопровождении персидских магов. Народные массы начали повстанческое движение, быстро распространившееся по всей стране. Они решили бороться за свою родину до последней капли крови. От прибывающих на родину нахараров-изменников отвернулся весь народ и даже их близкие. По словам историка, «никто не желал делить с ними трапезу — ни жена, ни сын, ни азат, ни царрай, ни слуги» (Лаз. Парб., II, 29, стр. 56). «Да подымется рука родного брата на брата — изменника родины, пусть отец не падит сына, а сын не стесняется пативов (знаков отличия) отца. Пусть жена воюет со своим мужем, а слуга (царрай) сопротивляется своему господину (тэру)...» — таков был приговор народа, сообщает Егише; после этого, продолжает он, «все они выступили вооруженными с шлемами на головах, с мечами

¹ Егише, стр. 33—36; Лаз. Парб., II, 22 (стр. 43—44).

² Егише, стр. 37—53; Лаз. Парб., II, 24 (стр. 44—46).

³ После победы Ездегерда II над хионитами при Марви-роте, при которой особенно отличилась армянская конница, Вардан Мамиконян был временно отпущен на родину (Лаз. Парб., II, 44).

⁴ Лаз. Парб., II, 25—29 (стр. 46—55); Егише, стр. 54—68.

на спине и щитами на руках, не только храбрые мужчины, но и замужние женщины» (Егише, стр. 72—74).

Возвращавшиеся из Ктесифона нахарары, прибыв в Армению, остановились со своими войсками в местечке Англ, где находились летовки армянских войск (Егише, III, стр. 74). Вместе с ними прибыли персидские маги. Здесь главный маг (могпет) во главе магов сделал попытку разрушить церковь и вместо нее воздвигнуть пиреум — храм огня. Народ, видя разрушение святыни, с дубинами в руках напал на магов и рассеял их. Церковь использовала начавшееся стихийное народное движение и повела активное наступление против распространившихся в стране магов. Вся ненависть угнетенных масс к господствующему классу направляется против Сасанидов и их представителей — магов. Народные массы, недовольные тяжкими поборами персов, восстают по всей стране и нападают на сасанидскую администрацию и магов, которых выгоняют из страны и убивают. Восставший народ нападает на города и крепости, всюду уничтожая и преследуя сасанидские гарнизоны. Вскоре маги убедились, что вся их затея обречена на провал, и думали лишь о том, как бы целыми и невредимыми вернуться на родину (Егише, стр. 75). Тогда и прибывшие на родину местные нахарары решили присоединиться к движению с тем, чтобы взять его в свои руки. В противном случае это движение грозило обратиться также и против местных феодалов. Но для этого прежде всего необходимо было убедить народ в том, что нахарары приняли зороастризм только для виду, чтобы иметь возможность вернуться на родину, спасти свои семьи и имущество и, став во главе народного движения, вынудить Сасанидов отказаться от своей новой политики в Армении.

Спарпет Вардан Мамиконян, опасаясь, что Ездегерд затребует его обратно и тогда Армения вновь останется без армянских войск, собрал своих сородичей и друзей и сообщил им, что он и его товарищи перешли в маздеизм только для виду, чтобы иметь возможность вернуться на родину. После этого он со всем родом и имуществом спешит найти убежище в тех из своих владений, которые находились в пределах Византийской Армении. Этим он спасал свою семью и всю фамилию от уничтожения и открывал себе возможность свободных действий. Иную позицию занял марзпан Васак Сюни. Всеми имевшимися в его распоряжении средствами он старался задуть народное движение и охранить магов, за жизнь которых отвечал перед «царем царей» своей головой.

Уход Вардана Мамиконяна особенно беспокоил марзпана. Васак Сюни знал, что спарпет, после побед в борьбе с эфталитами и хионитами в Средней Азии, пользуется при дворе «царя царей» славой непобедимого полководца. Если марзпан выпустит его из-под контроля персов и допустит его переход в сферу влияния Византии, то в Ктесифоне это будет расценено, как измена самого Васака Сюни, марзпана страны, не сумевшего удержать нахараров в повиновении. В этих условиях Васак Сюни созывает совещание танутэров и аваг-сеухов¹ Армении, и после того, как выяснилось единодушное намерение всех присутствующих возглавить народное движение против Персии, Васак Сюни и другие нахарары пишут письмо Вардану Мамиконяну, прося его подумать не только о себе, но и о всей стране и народе и вернуться (Лаз. Парб., II, 30). Вардан Мамиконян, видя единодушие нахараров, вернулся обратно и вместе с марзпаном Васаком Сюни стал во главе всенародного движения против персов.

¹ Так назывался старший по возрасту представитель нахарарской фамилии, который после смерти нахарара должен был наследовать его должность и звание танутэра, т. е. главы фамилии.

Повстанческое движение вступило во вторую фазу своего развития, когда оно из стихийного выступления масс превратилось в организованное вооруженное выступление всей нахарарской Армении против Персии. Началась лихорадочная работа по организации вооруженных сил народа. Для смотра наличных вооруженных сил удобным моментом явилось приближение летней поры, когда все войска отправлялись в летние лагеря округа Цалкотн, в селении Англ (Лаз. Парб., II, 31). Спарпет Вардан Мамикоян, узнав о том, что маги уже сообщили в Ктесифон о готовящемся вооруженном выступлении армян, спешил с организацией восстания, чтобы предупредить вторжение персидских войск в страну (Лаз. Парб., II, 32). Однако в этот момент сказалась нерешительная и колеблющаяся позиция марзпана Васака Сюни, который лишь под давлением обстоятельств присоединился к движению. Нахарары, руководившие восстанием, и прежде всего Вардан Мамикоян, совершенно не доверяя Васаку Сюни, начинают вести подготовку военных действий втайне от марзпана. Пользуясь правом спарапета, Вардан Мамикоян созвал тайное совещание нахараров, сепухов и епископов, на котором обсуждался стратегический план военных действий против Персии. Решения этого совещания хранились в строгом секрете, как военная тайна, также от Васака Сюни. О том, насколько ему не доверяли, свидетельствует тот факт, что, когда один из оставиков — Зандалан, узнав об этих решениях, хотел сообщить их Васаку Сюни, его настигли в пути и, как изменника родине, по древнему обычаю народа, побили камнями. Это послужило уроком для всех тех, которые осмелились бы разгласить военные тайны вождей восстания (Лаз. Парб., II, 32; Египше, стр. 84).

Руководители восстания хотели поставить Васака Сюни уже перед фактом всенародного вооруженного выступления, чтобы он не смог отступить от тех предложений, которые изложил в своем письме Вардану Мамикояну. И действительно, когда после этого тайного совещания нахарары во главе с Варданом Мамикояном сообщили марзпану Васаку Сюни о своем решении начать вооруженное выступление против персов, он сначала уклонялся от прямого ответа и лишь в конце-концов, «хотя и помимо своего желания, но под давлением [пришедших], вошел в соглашение с ними» (Лаз. Парб., II, 32). Все нахарары, во главе с Васаком Сюни, и все военные ополчения, во главе с Варданом Мамикояном, присягают торжественную присягу в Англе (Лаз. Парб., II, 32).

В Англе сосредоточились вооруженные силы восставших армян. Люди стягивались отовсюду народные ополчения, состоявшие главным образом из шинаканов и рамиков. Все слои народа объединяла всеобщая ненависть к поработителям родины — персам, их войскам и магам (Египше, стр. 86).

После принесения всенародной клятвы «множество рамикских ополчений», «не подчиняясь приказу начальников», напали на пиреумы, уничтожили их, а священные огни погасили водой, что для зороастрийца считалось величайшим святотатством. Затем взяли под стражу всех находившихся в Англе магов и увели их в соседний Зарехаван, где они были убиты (Лаз. Парб., II, 32). На следующий день войска повстанцев, находившиеся в Англе, разделились на три части и неожиданно окружили находившиеся там персидские войска, которые были уничтожены, а их предводители были взяты под стражу и уведены в заключение в крепости нахараров (Египше, стр. 84). Повидимому, эта мера преследовала цель обменять их на армянских заложников, находившихся в Ктесифоне.

События, происходившие в Албании и Иберии, заставляли армян ускорить свои действия. С армянами поддерживали тесный контакт восставшие грузины и албаны. В Иберии (Картли) еще сохранилась

царская власть, и Сасаниды пользовались борьбой противоречивых интересов грузинских царей и нарождавшейся грузинской феодальной знати. Наши данные об Иберии этой эпохи очень скудны, но косвенные указания дают возможность утверждать, что вернувшиеся грузинские феодалы вместе с царем также готовились к восстанию, поддерживая постоянный контакт с армянами и албанами. Однако в Ктесифоне в качестве заложника находился наиболее могущественный феодал Картлии бдешх (питиашх) Аршуша, родственник Мамикоянов, Камсараканов и Арцрунл. Аршуша, находясь при дворе персидского царя, был обречен на полное бездействие. На родине же, в Иберии, недалеко от столицы Мухеты, где имел местопребывание грузинский царь, в Тбилиси были сосредоточены персидские войска, возглавляемые марзпаном Картлии Себухтом Нихораканом. Он же должен был наблюдать за военно-стратегической дорогой (ныне Военно-грузинская дорога), ведущей к Дарьяльскому ущелью (Аланским воротам), где находился сильный персидский гарнизон, охранявший этот знаменитый проход от вторжения гуннов. Конечно, такая расстановка персидских вооруженных сил в Иберии парализовала действия восставших грузин¹.

Немногим лучше, повидимому, было положение в Албании. Здесь на южной окраине, в городе Пайтакаране (нын. Ойран-кала в Мильской степи), были сосредоточены персидские вооруженные силы, которые должны были осуществлять военный контроль над тремя странами Закавказья. В Албании повстанческое движение возглавлял албанский царь Вачэ. Персы стремились парализовать повстанческое движение Иберии и Албании, чтобы иметь возможность задуть движение в Армении². В то время, когда армянские повстанцы начали свои действия в Англие, албанские феодалы через своих послов просили армян, чтобы они ускорили военные действия против персов и пришли к ним на помощь. По словам послов, персидские войска, находившиеся на границе гуннов, пришли в Албанию. Прибыла также конница из Ирана вместе с 300 магами, которые навязывали народу зороастризм, обещая вероотступникам отменить государственные подати. Сопротивляющимся, по их словам, угрожали лишением имущества, смертью и уводом в неволю их жен и детей (Египсе, стр. 89—90).

Для Армении было опасным было другое известие, переданное теми же албанскими послами. По их словам, персидский азарапет Мирнерсе прибыл с войсками в Пайтакаран, откуда через Албанию должен был напасть на Армению (Лаз. Парб., II, 33). Положение восставших армян становилось серьезным. Во всем Айрарате в стратегических пунктах страны были размещены гарнизонные войска персов. Из Айрарата эти укрепления тянулись далее на восток по линии военно-стратегической дороги персов, которая через округ Вайоц-дзор и южное побережье Севанского озера вела в Албанию, по долине реки Тертер, к городу Пайтакарану, где находились главные вооруженные силы персов, контролировавшие отсюда страны Закавказья и возглавлявшие военные гарнизоны, расположенные в горных проходах Главного кавказского хребта.

Чтобы предотвратить возможные вторжения персидских войск в центр страны, армянские войска быстро спустились из своих летовок в горах Цахканц в Айрарат и, напав на персидские гарнизоны, уничтожили их. Войска восставших армян завладели всеми стратегическими пунктами страны и разместили там армянские гарнизоны.

¹ См. Н. Бердзенишвили, И. Джавахишвили, С. Джанашиа, История Грузии, ч. 1, Тбилиси, 1946, стр. 108—109.

² См. С. Т. Еремян, Албания в III—VII вв. «История СССР», т. I, М.—Л., 1939, стр. 160—162.

Несмотря на эти успехи восставших, наличные военные контингенты были недостаточны для войны с превосходящими силами персидских войск. Большая часть армянской конницы находилась в Средней Азии. Оставшиеся в Армении армянские войска были малочисленны, а многочисленные народные ополчения, хотя и были готовы на воинские подвиги, были неопытны в деле войны. Поэтому спарапет Вардан Мамиконян находил, что надо обратиться за военной помощью к гуннам и Византии. Он предлагает Васаку Сюни послать послов с письмами к императору и нахарарам Византийской Армении. Были спешно написаны письма, адресованные императору Феодосию II Малому (408—450) и вельможам константинопольского двора, а также сатрапам-нахарарам Византийской Армении. Посольство в Византию состояло из влиятельных лиц: Ваана Амагуни, Амаяка Мамиконяна и Меружана-Арцруни. Феодосий II живо откликнулся на просьбы армян и готовился оказать им военную помощь, но вскоре умер (2 июля 450 г.), и вопрос о помощи остался открытым (Егише, стр. 93). Тем самым не смогли оказать помощь своим братьям и нахарары Византийской Армении. Положение Византии в этот период было шатким. «Варвары» переходили через Дунай и угрожали Константинополю. В этих условиях Византия стремится показать Сасанидам свою лояльность и верность условиям 50-летнего мирного договора 421 г. Новый император Маркиан (450—457) уже решительно отказал армянам в какой-либо помощи. Более того, он поспешил через своих послов заверить Ездегерда II, что Византия не окажет никакой помощи единоверным армянам и останется верна договору 421 г. (Егише, стр. 93; Лаз. Парб., II, 41). На помощь гуннов трудно было рассчитывать.

Для восставших армян теперь было ясно, что им придется воевать с персами без посторонней помощи. Единственным спасением являлось нанесение врагу внезапного удара, пока он не мобилизовал всех своих сил. По словам Егише (III), восставшие армяне, «хотя и видели свою малочисленность и единство двух царей (византийского и персидского.— С. Е.), но не пали духом. Вспоминая свой обет, они говорили: „Мы готовы и для убийства [врага] и для смерти!“».

Дальнейшее развитие событий должно было более отчетливо показать различную классовую целеустремленность широких народных масс и феодалов. Народные ополчения стремились изгнать из страны персидских ассимиляторов, являясь бескорыстными борцами за родную страну. Господствующий же класс светских и духовных феодалов руководствовался прежде всего своими узко классовыми и сословными интересами. Некоторые из нахараров во имя своих частных и корыстных интересов доходили до прямой измены родине. Духовенство же, после крестьян больше всего пострадавшее от новой политики Сасанидов в Армении, стремилось придать начавшемуся движению характер религиозной войны. Во всей средневековой и современной реакционной армянской зарубежной буржуазно-националистической историографии это движение трактуется как религиозная война армян против персов. В действительности религиозный момент был побочным. Иерей Леонтий и другие церковники своими проповедями стремились разжечь в народе религиозный фанатизм, но в этот период такой фанатизм был чужд армянскому народу. Более того, в этот период среди народа и даже среди нахараров еще встречались последователи старой языческой религии.

Больше всего влияло на исход движения столкновение противоречивых интересов нахараров. Все больше обнаруживалось, что согласованность действий нахараров была лишь кажущейся. Глухая и упорная борьба между ними за захват главенствующего положения продолжалась; не были изжиты внутренние разногласия и соперничество, которыми пользовался

враг. Победа над персами должна была привести нахарарскую Армению к политическому сближению с Византией, а это означало упрочение позиций политических противников Васака Сюни — Мамиконянов, Ама-туниев, Камсараканов и церкви. Это означало, что марзпан Армении Васак Сюни должен был потерять все свои привилегии, вплоть до отстранения его от политических дел страны. Васак Сюни, поневоле втянутый в это движение и помимо своей воли оказавшийся его организатором и вождем, попадал в очень опасное положение. Но путь к отступлению был закрыт. Ведь по его инициативе нахарары впервые собрались для согласования своих действий. На всех письмах, посланных нахарарам-саграпам, византийскому императору и гуннским вождям, всюду на первом месте стояла подпись Васака Сюни, как правителя страны. Он принес всенародную клятву и присягу. Отступить от этой клятвы значило для него поставить под угрозу свою жизнь, жизнь всей своей семьи и благосостояние своих обширных владений. Вся ярость восставшего народа обрушилась бы на него. В то же время он знал и чувствовал, что на него в Армении смотрят как на чуждого общенародному делу человека, возвысившегося до положения правителя страны благодаря Сасанидам. При персидском же дворе, после всех этих событий в Армении, его считали главным виновником провала программы персидских ассимиляторов в стране.

В этой обстановке Васак Сюни попытался, внешне соглашаясь с повстанцами, придерживаться выжидательной позиции.

Отказ Византии оказать помощь Армении сломил веру в победу во многих нахарарах, а в Васাকে Сюни вселил надежду выпутаться из создавшегося положения. Он не терял надежды на мирное окончание конфликта. Но основные руководители восстания, во главе с спарпапетом Варданом Мамиконяном, считали, что следует ускорить выступление, пока враг сам не перешел в наступление, и быстрым ударом добиться победы.

Вот в этих условиях и началась война, названная историком Егише «Армянской войной». После военной подготовки вожди восстания приступили к прямым военным действиям. Исходя из стратегических соображений, Вардан Мамиконян разделил армянские войска на три части. Первую часть под начальством Нершапуха Арцруни он отправил на юг, на самое уязвимое место армяно-персидской границы, откуда через округ Хер-Зареванд (район нын. Хоя) враг мог вторгнуться прямо в сердце страны — Айрарат. Став во главе другой части армянских войск, сам Вардан Мамиконян отправился в Картлию с целью ударить в тыл марзпану Себухту Нихоракану, шедшему в Албанию, чтобы задушить повстанческое движение, овладеть Аланскими воротами (Дарьяльское ущелье), уничтожить находящийся там персидский гарнизон и войти в сношения с гуннами. Наконец, третья часть войск была оставлена в распоряжении Васака Сюни, который должен был противостоять врагу в своей вотчине Сюник и охранять Айрарат (Егише, стр. 94—95).

Такое распределение военных сил было бы эффективным в том случае, если бы между участниками восстания царило полное единодушие. Но вскоре выяснилось, что это было вовсе не так. Васак Сюни поспешил использовать то обстоятельство, что он остался один в Айрарате. Не случайно взял он под свою команду воинские ополчения тех нахараров, которые были его тайными сторонниками. Кроме того, многие гарнизоны в Айрарате состояли также из его сторонников (Егише, стр. 95).

Многие воинские части Васака Сюни держал в Сюнике, обрекая их на полную бездеятельность под тем предлогом, что он их держит там на случай вторжения персидских войск в Армению со стороны Албании

Егише, стр. 95). В укреплениях Айрарата оставались только войска изменников, готовые соединиться с иранскими войсками.

В создавшихся условиях Васак Сюни мог сбросить с себя маску и показать персидскому двору, что он с начала восстания заботился лишь об интересах персидского государства. Васак Сюни был уверен, что с Сасанидами он найдет общий язык, что они восстановят привилегированное положение армянских феодалов и откажутся от политики уничтожения христианства и навязывания населению маздеизма. Таким путем он сумеет восстановить свой престиж в самой Армении.

В то время, когда Вардан Мамиконян со своими войсками покидал Айрарат и вступал в долину р. Лопнас (нын. р. Агстев), Васак Сюни послал письма персидскому азарапету Мирнерсе в Пайтакаран и марзпану Иберии Себухту Нихоракану, в которых он сообщал, что ему удалось рассеять военные силы восставших, что основная часть армянских войск находится в его распоряжении. Себухту Нихоракану он сообщал, что Вардан Мамиконян со своими малочисленными войсками идет против него, Себухта, и что ему ничего не стоит разбить его (Лаз. Парб., II, 34; Егише, стр. 95—96).

Каково было удивление Вардана Мамиконяна и его войск, когда они, выйдя из ущелья реки Лопнас и вступив в долину, увидели вдали, в районе зимней резиденции албанских царей, города Халхал (около нын. Казаха), войска Себухта Нихоракана, двигавшиеся против них. Себухт Нихоракан должен был воспрепятствовать войскам Вардана Мамиконяна перейти р. Куру, после которой начиналась дорога, ведущая к Дарьяльскому ущелью (совр. Военно-грузинская). Армянские войска видели перед собою превосходящие силы врага. Себухт Нихоракан мобилизовал даже войска царьков Лпника и Баласакана. Надо было иметь исключительное мужество и боеспособность, чтобы одолеть их, и все же в разгоревшейся битве победителями оказались армяне. К ним присоединились нашедшие убежище в горах восставшие албанские крестьяне, вместе с которыми армянские войска прошли через Картлию. Здесь к ним присоединились восставшие грузины.

Армяне, албаны и грузины совершили совместный поход к «Гуннскому проходу» («Аланским воротам», совр. Дарьяльское ущелье). Здесь они уничтожили персидский гарнизон и заняли своими войсками все укрепления прохода. Отсюда восставшие начали вести переговоры с гуннами. Последние клятвенно обещали воздержаться от помощи персам и обязались придти на помощь восставшим армянам, грузинам и албанам (в 450 г.)¹.

В то время, когда Вардан Мамиконян одерживал эти победы, в Армении Васак Сюни открыто перешел на сторону врага. Он уничтожил размещенные в Айрарате армянские гарнизонные войска и вновь разместил там персидские войска. Наряду с этим Васак Сюни похитил детей восставших нахараров, в первую очередь Мамиконянов и Камсараканов, и запер их в укреплениях Сюника. Этими мерами Васак Сюни намеревался парализовать повстанческое движение и заставить обе стороны придти к обоюдному соглашению. Многие нахарары бежали в свои вотчины, но многие открыто присоединились к нему, одни по принуждению, другие добровольно (Лаз. Парб., II, 36; Егише, стр. 100—102).

¹ Л а з . П а р б . , II, 35; Е г и ш е , стр. 96. сл. В историографии ошибочно проход «Чора пахак» историка Егише и соответствующие ему «Албанские ворота» — историка Лазаря Парбского принимались за совр. Дербент, в то время как из контекста обоих историков видно, что речь идет о совр. Дарьяльском ущелье — Аланских воротах. Иначе и не могло быть, так как персы овладели районом совр. Дербента лишь в середине VI в.

Начиналась третья фаза повстанческого движения, когда общенародная борьба с врагом протекала в условиях обострившейся внутрисословной борьбы между отдельными группировками нахараров. В это время в Иберии и Албании ликование победивших войск внезапно было омрачено сообщением гонца об измене Васака Сюни и разорении Айрарата. Вардан Мамиконян был вынужден спешно вернуться обратно (Лаз. Парб., II, 36).

В конце осени 450 г. Вардан Мамиконян вернулся победителем из Картлии и Албании в Айрарат. Васак Сюни спешно укрепился в своей вотчине Сюнике, разорив предварительно Айрарат, с тем расчетом, чтобы армянские войска не могли там зимовать. Были разорены все укрепленные пункты, а провиант и фураж уничтожены. Поэтому армянские войска не могли разместиться там на зимние квартиры. По приказу Вардана Мамиконяна армянские войска разбрелись по всей стране на зимовку с тем, чтобы с наступлением весны они были готовы к боевым действиям (Егише, стр. 102).

Васак Сюни был объявлен изменником. Спарпет Вардан Мамиконян, окруженный ореолом победителя над врагом, образовал в Арташате новое правительство. Танутэром Армении, т. е. правителем страны, стал сам Вардан Мамиконян, оставаясь одновременно главой вооруженных сил страны — спарпетом. Повидимому, он восстановил гордзакалства, существовавшие при Аршакидах. В должности азарапета был восстановлен Ваан Аматауни; взамен изменника Гадишо Хорхоруни малхазом был назначен его сородич Хорен Хорхоруни, великим судьей оставался епископ Иосиф. Была восстановлена даже должность мардпета (при Аршакидах — царский газофилакт), которая была передана Михршапуху. Всем было ясно, что новое военное столкновение с Сасанидской Персией неминуемо. Поэтому повстанцы готовились к предстоящей войне.

Васак Сюни и его сторонники делали все, чтобы избежать военного столкновения. Через своих сторонников он убеждал народ оставить мысль о восстании, обещая уладить все при дворе «царя царей» и добиться восстановления прежнего положения мирным путем. Многие, поверив этим заверениям, перешли на его сторону (Лаз. Парб., II, 36). К тому же Ездегерд II потерпел поражение от эфталитов в Средней Азии и вернулся в Ктесифон (Егише, стр. 105). Именно это обстоятельство использовал Васак Сюни. Он всячески убеждал «царя царей», чтобы тот смягчил свою политику в Армении, послал бы грамоту о прощении и положил бы конец брожению и подготовке к войне в стране. Васак Сюни добился того, что Ездегерд II послал указ о «прощении» восставшим. В указе «царь царей» обещал освободить заключенных — участников повстанческого движения и возвратить конфискованное у них имущество. Наконец, он обещал полную веротерпимость и свободу вероисповедания (Егише, стр. 109).

Указ Ездегерда II произвел на многих большое впечатление. В их глазах поднялся авторитет Васака Сюни, которого считали инициатором этой политики уступок персидского правительства. Но расчеты Васака Сюни оказались неправильными. Дальнейшие события показали, что персы обманывали его самого. Ему, вероятно, не было известно, что, посылая указ о прощении армянам, Ездегерд II в то же время послал тайное посольство к императору Маркиану, чтобы еще раз заручиться заверениями Византии в том, что она не окажет никакой помощи восставшим армянам. Маркиан поспешил заверить его в своей лояльности, после чего Ездегерд II вновь возобновил подготовку к войне, чтобы раз навсегда покончить с восставшей Арменией (Егише, стр. 109—110).

Спарпет Вардан Мамиконян и его сторонники отнеслись к указу недоверчиво. Но во всяком случае результатом этого указа было то,

что среди восставших возникли разлад и разногласия. Многие из нахараров перестали участвовать в подготовке к войне. Но Вардан Мамиконян и его сторонники из духовенства, нахараров и азатов и широкие народные массы решили продолжать дело борьбы за освобождение своей родины до конца (Егише, стр. 110—112).

Сасаниды видели, что повстанцы не верят в указ и продолжают готовиться к войне, и поэтому спешили с отправлением войск к границам Армении. Азарпет Мирнерсе стянул персидские войска, в том числе и табуны слонов, в Пайтакаран (там же). Сюда был вызван Васак Сюни для информации о военных приготовлениях восставших армян. Марзпан Армении был принят с большими почестями, как человек, который мог еще принести персам большую пользу. Если верить историкам, Мирнерсе даже обещал после ликвидации повстанческого движения возвести Васака Сюни в царское достоинство (Егише, стр. 116 сл.; Лаз. Парб., II, 42).

Возвратившись на родину, Васак Сюни возобновил лихорадочную работу по уничтожению единства между нахарарами и развернул подрывную деятельность вне Армении. Он сумел уничтожить единство и союз между восставшими армянами, грузинами и албанами (Егише, стр. 120). Последние отошли от армян. Также отошли от армян окраинные высокогорные области: Алдзник, Тмөрик, Кордук, Арцах и др. Васак Сюни послал даже людей в византийскую Халдию. Всем им было сообщено, чтобы жители их не предоставляли убежища беглецам из нахарарской Армении. Он послал также письмо дуку Византийской Армении Васаку Мамиконяну, в котором он сообщал ему, что на стороне восставших никого не осталось, что вся нахарарская Армения перешла на его сторону и что он восстановил там христианство. Васак Мамиконян в свою очередь донес об этом в Константинополь императору (Егише, стр. 120).

Теперь повстанцы ниоткуда не могли ожидать помощи, кроме гуннов, оставшихся верными своему слову. Однако, чтобы предотвратить вторжение гуннов через кавказские проходы, Васак Сюни всюду укрепил и обезопасил проходы, разместив там персидские военные силы. Для этой же цели были мобилизованы военные силы Иберии и горских племен верховьев Иоры и Алазани, а также современного южного Дагестана и прикаспийского побережья (там же). Все эти военные силы находились под верховным наблюдением Мирнерсе, который теперь постоянно находился в своей военной ставке, в городе Пайтакаране. Сюда был снова вызван Васак Сюни, который отправился вместе со своими единомышленниками. Они заверяли Мирнерсе, что в предстоящем военном столкновении армян с персами они будут на стороне последних. После того, как Мирнерсе разузнал от них о всех военных и стратегических планах восставших армян, он отправился в Среднюю Азию, чтобы доложить обо всем этом Ездегерду II, а во главе персидской армии, предназначенной для войны с армянами, оставил Мушкана Нисалавурта (Егише, стр. 122—125).

В течение зимы 450/51 г. войска повстанцев подготовились к весле. В апреле 451 г. войска врага, находившиеся под командованием Мушкана Нисалавурта, были стянуты из Пайтакарана к южным границам Армении — в округе Хер-Зареванд, откуда можно было вторгнуться прямо в центр страны — Айрарат (Лаз. Парб., II, 17). Узнав об этом, спарапет Вардан Мамиконян издал приказ, чтобы все нахарары со своими ополчениями собрались в Арташат, причем ополчения тех нахараров, которые прикнули к Васаку Сюни, Вардан Мамиконян передал их сородичам, оставшимся верными присяге (Егише, стр. 128). В Арташате был устроен торжественный смотр войск, на котором, согласно сообщению Егише, была представлена конница 28 нахарарских домов с их предводителями. Численность

всей армии восставшей Армении составляла всего 66 тысяч человек конницы и пехоты. Персидское же войско исчислялось в 200 тысяч человек. Однако по своему моральному состоянию войска восставших превосходили врага. По словам историка, войска восставшей Армении имели «единое сердце и единое дыхание, они предпочитали смерть позорной жизни» (Егише, стр. 130).

Чтобы предупредить вторжение вражеского войска в страну, Вардан Мамиконян спешил отправить войска на южную границу, к гавару Хер-Зареванд. Он надеялся, что военные действия произойдут на территории врага и страна избегнет разорения (Лаз. Парб., II, 37). Но к тому времени персидские войска успели вторгнуться в Армению и встретили двигавшиеся на них армянские войска в округе Артаз, на равнине около селения Аварайр. Их разделяла река Тгмут (нын. р. Зангимар, южнее Маку)¹.

Персы привели в боевую готовность свои войска, поставив впереди «отряд бессмертных» (*матеан гунд*), состоявший из слонов и конных войск (Егише, стр. 150—151). На правом фланге должна была стоять конница горских племен прикаспийского побережья (там же). Им противостояла значительно уступающая по своей численности армия восставших армян. Вардан Мамиконян разделил армянские войска на четыре части—центр, правый фланг, левый фланг и арьергардные войска (Лаз. Парб., II, 39; Егише, стр. 151).

26 мая 451 г., в полдень обе стороны вступили в рукопашный бой. Пока пехота вела бой, всадники левого фланга, во главе с Варданом Мамиконяном, перешли реку и, всей силой обрушившись на правый фланг врага, принудили его к отступлению. Стоящий за ним «отряд бессмертных», не вступив в бой, бежал. Однако в разгар боя многие из армянских отрядов, потеряв веру в победу, разбрелись по ближайшим горам и ущельям. Это использовал персидский полководец Мушкан Нисалавурт. Правый фланг его войск напал на левый фланг армянских войск. Обе стороны билась до тех пор, пока равнина не покрылась телами убитых. После этого Мушкан Нисалавурт бросил в бой отряд слонов, которые окружили Вардана Мамиконяна и оставшихся в живых всадников его отряда. Несмотря на героическое сопротивление, конница не могла долго сражаться с отрядом наступающих слонов. Здесь пали смертью героев Вардан Мамиконян и его сподвижники (Лаз. Парб., II, 39).

К вечеру битва прекратилась. Поле было усеяно телами убитых. Но победа осталась нерешенной. По словам Егише (стр. 155), «не было так, что одна сторона победила, а другая потерпела поражение, а было выступление храбрых против храбрых, в котором обе стороны потерпели поражение». О числе павших на поле битвы с обеих сторон оба историка—Егише (стр. 156) и Лазарь Парбский (II, 39) дают одинаковые сведения. Согласно их данным, на Аварайрском поле пали: со стороны армян—1036 воинов, из них 9 нахараров; со стороны персов и сражавшихся в их отрядах армян-ренегатов—3544 человека.

Аварайрской битвой не кончилась борьба армян с персами. Эта борьба вступила в четвертую фазу. После того, как пали многие из военачальников, в том числе Вардан Мамиконян, восставшие, чтобы сохранить свои силы, рассеялись по неприступным горам и ущельям страны и перешли к партизанской войне. Теперь Сасаниды были вынуждены вести длительную войну с повстанцами Армении; в то же время в Средней Азии вновь начали свои вторжения гунны—эфталиты и хиониты. Эти обстоятельства вынудили персов пойти на компромисс с восставшими.

¹ О пути продвижения персидских войск и местоположении Аварайра см. Я. А. М а н а й д я н, Главные пути Армении по *Tabula Peutingeriana*, Ереван, 1936 (на арм. яз.), стр. 139—172; см. там же карту на стр. 155.

В Армении, однако, мало кто верил в благие намерения персидских властей. Народ был уверен в обратном — в том, что карательные отряды персов начнут кровавую расправу. Поэтому после Аварайрской битвы начинается массовый уход населения из долин в горы. По словам историка, «оставил каждый свое селение, аван и агарак. Невесты покинули брачное ложе, а женихи оставили покой, старики упали со скамей, а младенцы из объятий (родителей). Юноши и девушки, вся многочисленная масса мужчин и женщин отправилась и заняла безлюдные укрепления и безопасные места многочисленных гор» (Егише, стр. 162).

В долинах и низменных местах страны орудовали карательные отряды персов. Обыкновенно они обступали укрепленные места, в которых находили убежище мирные жители долин, и обещали прощение при условии сдачи укрепления. Часто засевшие в своих убежищах люди сдавались из-за отсутствия пищи и питья, но даже из тех, которые спускались со своих убежищ и добровольно сдавались, враги не щадили никого — либо убивали, либо уводили в плен, а оставшиеся жилища предавали огню, забрасывая их факелами из горючей смеси (Егише, стр. 163 сл.). Партизанские отряды вели мужественную борьбу с карательными отрядами персов. Армянские партизаны в горах Тморика даже нападали на соседние персидские селения, разоряли их, предавали огню, а жителей брали в плен. Это были ответные меры на репрессии персов внутри Армении (Егише, стр. 165).

Те из бежавших, которые укрывались в густых лесах Арцаха, непрерывно посылали людей к гуннам Северного Кавказа с напоминанием о том, чтобы они выполнили свое обещание оказать помощь восставшим армянам. Во исполнение этого большой отряд гуннов вторгся в Закавказье и дошел до границ Персии, разорив многие округа персов. Возвращаясь, гунны напали на те племена кавказских гор, которые помогали персам против армян. Гунны при этом вновь разрушили укрепления Дарьяльского ущелья и овладели им (Егише, стр. 166—168).

Такое же организованное сопротивление персидским карательным отрядам оказывали партизаны областей, пограничных с Византийской Арменией, особенно в долине Чороха. Здесь, в дремучих лесах Пархарских гор и византийской Халдии, нашла убежище основная часть восставших. Отсюда можно было организовать длительное сопротивление, а в случае неудачи легко было перейти в пределы Византийской империи. В Тайке нашло убежище «множество беглецов армян — нахараров и сепухов, остаников и рамиков» (Лаз. Парб., II, 41). Все они собрались под знамя Амаяка Мамиконяна (брата спарапета Вардана Мамиконяна) (там же).

Против него были посланы карательные отряды персов, которые надеялись найти там сокровища бежавших нахараров. Амаяк Мамиконян со своими ополчениями спустился с Пархарских гор в ущелье р. Чорох, в селение Ордджхах (ныне сел. Ошнах). Народные отряды Амаяка Мамиконяна не имели даже обыкновенного оружия. В селении Ордджхах в происшедшей стычке регулярные войска врага одолели партизанские отряды армян, и последние были вынуждены отступить обратно в горы. Здесь в неравном бою пал и Амаяк Мамиконян. Остальные партизаны нашли убежище в Пархарских горах (там же).

Сасаниды убедились, что развернувшаяся после Аварайрской битвы народная война затянется на неопределенный срок. Посылаемые карательные отряды лишь разжигали ненависть народных масс к персам и к нахарарам-ренегатам. Сопротивление армян все увеличивалось, а дела Персии в Средней Азии шли плохо. Руководивший боевыми операциями против армянских партизан полководец Мушкан Нисалавурт, терпя неудачу за неудачей, опасаясь, что его привлекут к ответственности, и, чтобы оправдать себя, написал донос на Васака Сюни и его сообщников

Егише, стр. 167). В этих условиях для того, чтобы как можно скорее подворить мир в Армении, Ездегерд II решил временно изменить свою политику. Прежде всего он отстранил от должности Васака Сюни и назначил марзпаном Армении одного из потомков армянских Аршакидов Атр-Ормизда Аршакана. Мушкан Нисалавурт передал свои полномочия новому марзпану, а сам отправился со своим войском в Иран (Лаз. Парб., II, 40; Егише, стр. 168). Новый марзпан рассылал по всей стране грамоты о мире, с призывом к населению: «вернитесь и живите без страха, и ничего не бойтесь» (Лаз. Парб., II, 40). Особым указом «царя царей»: 1) всем предоставлялась полная свобода вероисповедания и отправления культа; 2) было приказано не брать тех налогов, которые не были внесены во весь период восстания; 3) «на некоторое время он облегчил также (набор) царской конницы» для войны в Средней Азии (Егише, стр. 170); 4) беглецам было разрешено возвратиться за своим имуществом.

Васак Сюни, лишенный своей должности, был вызван в Ктесифон. По словам Лазаря Парбского (II, 43), при дворе «царя царей» Васак Сюни был принят с почетом. Нахарары, доверившись новому марзпану, постепенно вернулись и представились ему с тем, чтобы им дали возможность лично представиться «царю царей» и дать объяснения о причинах случившегося (Лаз. Парб., II, 42; Егише, стр. 169).

В зимней резиденции Ездегерда II, под его председательством был устроен суд над армянскими нахарарами и духовными лицами. Стремясь оправдаться перед «царем царей», они решили всю «вину» взвалить на Васака Сюни. Васак Сюни, который свою роль выполнил, был уже не нужен Сасанидам для осуществления их политических планов в Закавказье. Чтобы угодить армянам и найти с ними общий язык, Ездегерд II приказал арестовать Васака. Его публично лишили всех пативов (знаков отличий), всенародно оскорбили и унизили. Васак Сюни должен был, кроме того, из своих богатств внести непоступавшие за время восстания государственные налоги. Он передал персидской казне все, что имел, но долги все же не смог покрыть. Многие из его семьи пошли в долговое рабство. После этого персы бросили его в зиндан приговоренных к смерти, где он и умер через несколько лет в полной нищете, оставив своему народу свое имя, как синоним ренегата — изменника родине (Егише, стр. 177—178; Лаз. Парб., II, 46).

Остальные подсудимые: 13 нахараров и 8 духовных лиц, как активные участники и вдохновители восстания, были приговорены к пожизненной ссылке в отдаленной провинции Ирана — Гургане, в закаспийской пустыни совр. Туркмении (в 452 г.). После нового поражения в войне с хионитами Ездегерд II приказал казнить 8 заключенных армянских духовных лиц (Лаз. Парб., II, 47). Остались лишь 13 нахараров, которые вернулись из ссылки после воцарения Пероза в 457 г.

Народная война принудила Сасанидов восстановить привилегированное положение нахарарской Армении. В конечном счете из этого восстания победителями вышли армяне. Они заставили Сасанидов отказаться от политики ассимиляции.

